

Научная статья

УДК 32.019.5

doi: 10.17223/1998863X/84/21

КУЛЬТУРА СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА И РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)

Елена Викторовна Матвеева¹, Алия Викторовна Сат²

¹ Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Россия,
mev.matveeva2020@yandex.ru

² Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических
исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия, *aliya_sat@mail.ru*

Аннотация. Приводятся результаты социологических исследований, проведенных среди вузовской молодежи Кемеровской области – Кузбасса и Республики Тыва. При интерпретации результатов исследований авторы основываются на теории рефлексивного выбора В.А. Лефевра и теории культуры Л.Н. Когана, что позволяет рассматривать культуру субъектности студенческой молодежи в социальных сетях через призму потребностей человека.

Ключевые слова: культура субъектности, студенческая молодежь, социальные сети, политическая идентичность, регионы

Для цитирования: Матвеева Е.В., Сат А.В. Культура субъектности студенческой молодежи в социальных сетях (на примере Кемеровской области – Кузбасса и Республики Тыва) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 264–273. doi: 10.17223/1998863X/84/21

Original article

CULTURE OF SUBJECTIVITY OF STUDENT YOUTH IN SOCIAL NETWORKS (ON THE EXAMPLE OF THE KEMEROVO REGION – KUZBASS AND THE REPUBLIC OF TYVA)

Elena V. Matveeva¹, Aliya V. Sat²

¹ Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation,
mev.matveeva2020@yandex.ru

² Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government
of the Republic of Tyva, Kyzyl, Russian Federation, *aliya_sat@mail.ru*

Abstract. The aim of the article was to identify the features of the culture of subjectivity of student youth in social networks in the context of determining political preferences using the example of universities in two regions of Russia – the Kemerovo Region – Kuzbass and the Republic of Tyva. The authors of the article consider the culture of subjectivity of student youth within the framework of the theory of reflexive choice by V.A. Lefebvre and the theory of culture by L.N. Kogan, which allows analyzing the phenomenon under study from the perspective of assessing needs as a regulator of human behavior in social networks. At the same time, social networks act as a kind of a “bridge” between the subjectivity of an

individual and cultural principles manifested in the assessment of ongoing socio-political events. The study is based on the results of a mass sociological survey and focus groups conducted in November–December 2024 among student youth of three universities of the Kemerovo Region – Kuzbass (Kemerovo State University, Kemerovo State Institute of Culture, Kuzbass State Agrarian University) and Tuva State University in the Republic of Tyva. The main attention is paid to the issues of demand for social networks in the culture of student youth, as well as the “involvement” of young people in the political agenda in social networks. It was revealed that the preferences of student youth in the use of social networks and instant messengers depend on the region of study and age characteristics. However, a targeted interest in political events and forms of civic activity using social networks is most characteristic of respondents aged 30–35. A number of features of the culture of subjectivity of student youth in social networks are highlighted, manifested in the preferences of student youth of universities in Kuzbass and Tuva. This is a high role of social networks in the daily activities of student youth, which is expressed in the multifunctional focus of their use, a high percentage of apoliticality among Tuvan youth in comparison with Kuzbass youth as a consequence of the dominance of traditional values in the culture, selectivity in young people’s demonstration of their preferences and moods in relation to political leaders and artists (bloggers) in social networks.

Keywords: culture of subjectivity, student youth, social networks, political identity, regions

For citation: Matveeva, E.V. & Sat, A.V. (2025) Culture of subjectivity of student youth in social networks (on the example of the kemerovo region – kuzbass and the republic of tyva). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 264–273. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/21

Введение

Проблема формирования политической идентичности современной российской молодежи продолжает привлекать к себе внимание в силу динамичных изменений, происходящих в цифровом ландшафте социальных сетей в Российской Федерации. На протяжении последних лет на законодательном уровне приняты нормативно-правовые акты о социальных сетях, фактически меняющие «на наших глазах» архитектуру цифровой среды российского общества, делая ее более «прозрачной», а деятельность человека в ней все более регламентированной.

В этих динамично развивающихся условиях необходимо проведение дальнейшего научного анализа культуры субъектности студенческой молодежи в социальных сетях как важной составной части социального и политического самоопределения личности. В этой связи обращают на себя внимание исследования, затрагивающие вопросы идентичности культуры молодежи в социальных сетях [1–3]. Е.Б. Ивушкина и Н.И. Морозова анализируют вопросы, связанные с противоречивым воздействием информационной среды на идентичность человека, его поведение, моральные нормы, духовные ценности в обществе [4. С. 23]. Е.Б. Хорольцева и А.В. Федорова рассматривают вопросы самоопределения личности через коммуникационные практики в социальных сетях как некий конфликт ценностей и приоритетов в жизненном пространстве [5. С. 79].

Целью статьи явилось выявление особенностей культуры субъектности студенческой молодежи в социальных сетях в контексте определения политических предпочтений на примере вузов двух регионов России – Кемеровской области – Кузбасса (далее Кузбасс) и Республики Тыва (далее Тува). Под субъектностью, прочно утвердившейся в психологии, педагогике и социологии (Т.А. Антопольская, М.А. Варламова, Н.А. Гаврилова, Т.А. Оль-

ховская, И.В. Плаксина и др.) [6–9], рассматривается субъект социальной реальности на примере отдельных личностей, групп или организаций. Субъектность в данном случае проявляется через некий «выбор в поле социальных отношений» [10. С. 60], или в рамках более узких категорий, например, таких как профессиональная субъектность в контексте оценки качества профессиональной подготовки [11. С. 121].

В представленной статье культуру субъектности авторы рассматривают в рамках теории рефлексивного выбора В.А. Лефевра, где сознание выступает «неотъемлемой компонентой сущего» [12. С. 24], поэтому культура субъектности – это рефлексивный выбор человека между осознанием какого-либо явления и его поведением. При понимании культуры субъектности важное место играет категория «культуры». Данная категория рассматривается в рамках теории культуры Л.Н. Когана, где анализу подвергается «изучение самореализующегося в культуре человека» [13. С. 62]. В теории культуры Л.Н. Коган рассматривал культуру с позиции «способностей и потребностей человека и их реализации в творчестве» [14. С. 122].

Проведенное исследование основывается на данных, полученных методом массового опроса и пяти фокус-групп в ноябре–декабре 2024 г., среди студенческой молодежи вузов Кузбасса и Тувы. В качестве генеральной совокупности (23 800 тыс. человек) рассматривались студенты бакалавриата и магистратуры всех форм обучения в Кемеровском государственном университете (КемГУ), Кемеровском государственном институте культуры (КемГИК), Кемеровском государственном аграрном университете им. В.Н. Полецкого и в Тувинском государственном университете (ТувГУ). Выборка (785 респондентов) квотная с контролем признаков возраста (17 лет – 4,6%, 18–23 года – 80%, 24–29 лет – 10,6%, 30–35 лет – 4,8%) и пола (37,1% мужчин и 62,9% женщин согласно гендерному соотношению генеральной совокупности). Отдельно среди студентов выделена группа несовершеннолетних респондентов, не достигших возраста 18 лет. Доверительная вероятность составила 95% при ошибке выборки 5%.

В фокус-группах участвовал 51 студент 2–4-х курсов бакалавриата. Гендерный состав определялся спецификой направлений подготовки в вузах: КемГУ – 65% женщин и 35% мужчин, КемГИК – 80% женщин и 20% мужчин, ТувГУ – 70% женщин и 30% мужчин.

Результаты и их обсуждение

В рамках рассматриваемой проблемы авторы хотели бы уделить внимание вопросам востребованности социальных сетей в культуре субъектности студенческой молодежи, а также отдельно остановиться на вопросах «включенности» молодых людей в политическую повестку в социальных сетях. Культура субъектности проявляется не только через активность при работе в социальных сетях, но и в возможности «выбора» через выражение собственной позиции. Так, в анкету вошли вопросы, связанные с выявлением общей направленности предпочтений респондентов в социальных сетях и мессенджерах, мотивов целеполагания в поиске информации, предпочитаемых форм онлайн- и офлайн-активности. При этом вопросы анкеты давали возможность респонденту право выбрать один, несколько или написать собственный ответ в графе «другое». В фокус-группах больше внимания уделялось получению

качественных характеристик с указанием предпочитаемых респондентами ресурсов, их направленности и тематики.

Наиболее востребованными среди молодежи являются такие социальные сети и мессенджеры, как Telegram (мужчины – 87,8%, женщины – 92%) и «ВКонтакте» (мужчины – 93,2%, женщины – 86,2%). Далее с большим отрывом респонденты отмечали YouTube (мужчины – 74,3%, женщины – 68,2%), WhatsApp (мужчины – 47,7%, женщины – 56 %) и TikTok (мужчины – 21,1%, женщины – 39,8%). Среди рассматриваемых социально-демографических характеристик взаимосвязь прослеживается с параметрами место проживания и, соответственно, обучения, а также возрастными особенностями. Так, студенты ТувГУ в отличие от студентов вузов Кузбасса в число приоритетов после сетей Telegram и «ВКонтакте» на третье и четвертое место поставили Viber (71,3%) и YouTube (66,7%), и только на пятое – WhatsApp (23,3%). По возрастному критерию в число наиболее популярных ответов вошли: 17 лет (Telegram – 92,5%, YouTube – 75%, «ВКонтакте» – 70%), 18–23 года (Telegram – 93,6%, «ВКонтакте» – 89,7%, YouTube – 73,7%), 24–29 лет («ВКонтакте» – 91,4%, Telegram – 75,3%, YouTube – 58,1%), 30–35 лет (WhatsApp – 95,2%, Telegram – 78,6%, «ВКонтакте» – 71,4%). Очевидна тенденция, связанная с трансформацией потребностей в культуре субъектности молодого поколения от простого интереса прочтения постов и выставления собственного контента в социальных сетях Telegram и «ВКонтакте» в сторону повседневного обмена сообщениями в мессенджере WhatsApp.

Давая ответы на вопрос «С какой целью Вы пользуетесь социальными сетями и мессенджерами?», респонденты чаще всего отмечали, что это «средство общения и досуга» (мужчины – 84%, женщины – 89,2%), «средство получения информации» (мужчины – 81,4%, женщины – 85,6%), «ресурс обучения» (мужчины – 58,2%, женщины – 70,2%). Меньшее количество ответов набрали варианты «моя работа (мониторинг, продвижение рекламы)» (мужчины – 22,8%, женщины – 18,7%), «новые знакомства» (мужчины – 19,8%, женщины – 19,6%), «продвижение личного контента» (мужчины – 13,9%, женщины – 18,5%). При возрастном анализе процент выбравших ответ «моя работа (мониторинг, продвижение рекламы)» увеличивался за счет уменьшения популярности остальных вариантов ответов (табл. 1).

Таблица 1. Ответы на вопрос «С какой целью Вы пользуетесь социальными сетями и мессенджерами?», %

Вариант ответа	Ваш возраст			
	17 лет	18–23 года	24–29 лет	30–35 лет
Моя работа (мониторинг, продвижение)	12,5	18,4	20,4	47,6
Продвижение личного контента	25,0	18,0	14,0	4,8
Средство получения информации	90,0	85,4	78,5	76,2
Средство общения и досуга	92,5	88,6	88,2	69,0
Новые знакомства	25,0	20,3	18,3	7,1
Ресурс обучения	72,5	66,7	66,7	66,7

Отдельный вопрос анкеты включал в себя выявление разных форм гражданской активности среди молодежи в политике путем выбора респондентами нескольких из предложенных вариантов, как и в предыдущей таблице (табл. 2).

Таблица 2. Ответы на вопрос «Что из нижеперечисленного Вы стараетесь делать или это вызывает у вас интерес?», %

Вариант ответа	Ваш возраст			
	17 лет	18–23 года	24–29 лет	30–35 лет
Хожу на выборы и (или) обсуждаю в кругу друзей политические события и новости	10,0	14,4	21,5	31,0
Посещаю политические акции и мероприятия	0	2,9	2,2	4,8
Слежу за политическими новостями в России и мире	45,0	42,9	41,9	61,9
Обсуждаю политические события и новости в социальных сетях	5,0	7,6	9,7	2,4
Участвую в волонтерской деятельности	17,5	16,9	10,8	21,4
Ничего из перечисленного не делаю	27,5	31,1	35,5	16,7

Полученные ответы показали, что по мере взросления у молодежи появляется более осознанное отношение к значимости участия в политике (в 17 лет лишь 10% «обсуждают в кругу друзей политические события и новости», в 30–35 лет – 31%, что, в частности, уже выражается и в голосовании на выборах). Аналогичная ситуация относится и к возрастанию интереса в отношении «просмотра политических новостей в России и в мире» (от 45 до 61,9% соответственно). В то же время ответы респондентов показывают падение интереса среди молодежи в возрасте 30–35 лет к «обсуждению политических новостей в кругу друзей и социальных сетях». Подобная динамика, выявленная во взглядах студенческой молодежи, показывает, что формирование взглядов и мнений определяется рассматриваемой нами культурой субъектности человека, где потребности человека являются следствием поколенческих различий респондентов.

В то же время наблюдаются определенные отличия в ответах участников опроса в зависимости от региона обучения. Политическая активность студентов из Кузбасса заметно выше, чем в Туве, хотя по популярности выбранные респондентами варианты ответов совпадают: «слежу за политическими новостями в России и в мире» (Кузбасс – 48%, Тыва – 36,6%), «хожу на выборы и (или) обсуждаю в кругу друзей политические события и новости» (16,9 и 12,5% соответственно), «ничего из перечисленного не делаю» (27,8 и 37,6%).

Ответы респондентов в фокус-группах позволили выявить информацию о политических предпочтениях студенческой молодежи в социальных сетях. Ответы на вопрос «В случае необходимости в каких социальных сетях Вы получаете интересующую Вас политическую информацию?» показывают, с одной стороны, четкую привязку в мотивах поиска политической информации в случае резонансных событий, с другой стороны, демонстрируют отсутствие какого-либо интереса к любой политической информации (наиболее часто встречается среди студентов КемГИК). Примеры некоторых высказываний приведены ниже (орфография и пунктуация сохранены. – Авт.):

– Смотрю новости в «ВКонтакте», телеграм-каналах (КемГУ).

– Я была подписана на разные политические паблики еще до 2022 г. Когда поступила в вуз времени не осталось. Обычно обращаю внимание только на что-то «громкое». Последнее, что помню это теракт в «Крокусе» (КемГУ)

– Я не интересуюсь совсем политикой. Не смотрю такие новости (КемГИК).

– Смотря какую информацию, с какой стороны я хочу получить. С точки зрения фактов и официальной позиции, то смотрю РБК. Если я хочу узнать что-то более-менее с нейтральной точки зрения, то я обращаюсь к блогерам, например, Екатерине Шульман¹, у которой мне нравится подача и логика, с которой она рассуждает (КемГИК).

– Я беру политическую информацию чаще всего в «Телеграме». Региональные политические новости читаю в телеграм-канале «СендИ NEWS» (ТувГУ).

– Я в основном подписана на блогеров, политические новости не читаю. Смотрю Instagram², «Телеграм», YouTube и Tik-Tok. Новости смотрю в телеканалах «Дождь» и «Медуза»³ (ТувГУ).

– В «ВКонтакте» я не видела политическую информацию. Если новости, то я подписана на канал ГТРК «Тыва» в «ВКонтакте». Региональные новости я узнаю из сайта «Тыва-Онлайн» (ТувГУ).

Мнения студентов разных вузов и регионов показывают сходство полученных ответов на такие вопросы, как «Политической информацией чаще всего Вы интересуетесь целенаправленно или по причине случайного ее попадания в ленту „ВКонтакте“? На каких политических лидеров и деятелей искусства (блогеров) Вы подписаны в социальных сетях?». Респонденты крайне редко подписаны на политиков, чаще речь идет о подписке на блогеров с совершенно разным новостным контентом.

– Мне интересно слушать людей, которые подходят с разных сторон и предлагают решения. Интересуюсь блогером Артемием Лебедевым (КемГУ).

– Допустим, если произошла какая-то серьезная ситуация в стране, например, теракт, то да, начинаешь искать новости, читать, сопереживать (КемГИК).

– Я интересуюсь деятелями культуры гораздо больше, чем политическими. И опять же, это связано с профессиональной деятельностью. Однако могу назвать телеграм-канал депутата Антона Горелкина, который мне знаком и на который я подписан (КемГИК).

– Скорее случайно, когда попадают новости в ленте. На политиков не подписан. Из блогеров подписан на Артемия Лебедева (ТувГУ).

Респонденты имели возможность в рамках фокус-групп назвать основную тематику новостей, значимую лично для каждого участника. Интерес к какой-то конкретной сфере (сферам) общества определяется исключительно сформированными личными увлечениями.

– Политика, экономика и военные мировые конфликты (КемГУ).

– При просмотре новостей в «ленте» может попадаться совершенно разный контент (КемГУ).

– Для нашего поколения самая интересная информация – это «мемы». Потому что, если появится какой-то «мем», посвященный какому-то событию, если он действительно смешной, то это нравится (КемГИК).

¹ Включена Минюстом 15.04.2022 в список СМИ-иноагентов.

² Принадлежит экстремистской организации Meta, запрещенной на территории РФ.

³ Включены Минюстом 01.12.2023 и 23.04.2021 в список СМИ-иноагентов.

– Мне интересно, когда о какой-то новости говорят много, тогда лично у меня возникает интерес к этой новости (КемГИК).

– Большие мне интересен контент культурный и экономический, потому что сегодня понимание процессов в экономике важно, чтобы знать, как ориентироваться в современных процессах (КемГИК).

– Культурной жизнью не интересуюсь. Спортивные новости смотрю только тогда, когда идут крупные спортивные мероприятия (ТувГУ).

– Мне интересна личная жизнь политиков и новости о нашем регионе разного характера от криминальных сводок до политических событий (ТувГУ).

Полученные результаты позволяют утверждать о наличии особенностей в культуре субъектности студенческой молодежи исходя из территориального, возрастного и в меньшем мере гендерного признаков. Так, выбор той или иной социальной сети или мессенджера зависит от региона обучения и возраста, что в конечном итоге определяет функциональную направленность использования данных сетевых средств коммуникации от потребности предоставления и обмена информацией в сетях Telegram и «ВКонтакте» до возможности решения повседневных учебных, производственных, а порой бытовых вопросов с использованием мессенджеров WhatsApp или Viber. При этом целенаправленный интерес к политическим событиям и формам гражданской активности присущ в наибольшей мере группе респондентов в возрасте 30–35 лет. В свою очередь, полученные ответы респондентов в рамках фокус-групп среди студентов бакалавриата подтверждают преобладание в сформированной культуре субъектности у молодежи 17–23 лет «низкой» потребности в получении политической информации.

Заключение

Подводя итог, следует еще раз обратиться к понятию «культура субъектности» студенческой молодежи в социальных сетях и выделить основные, присущие ему характеристики. В основу понятия закладывается контекст восприятия культуры как некоего «выбора» человека. Социальные сети позволяют связать субъектность отдельного человека и культурные принципы, проявляющиеся в оценке происходящих общественно-политических событий, наличие или отсутствие интереса к гражданской активности и участия в политике, и мотивационных факторах, определяющих эту активность. Результаты исследования дают возможность выделить несколько особенностей культуры субъектности студенческой молодежи вузов Кузбасса и Тувы в социальных сетях в настоящее время.

Во-первых, это высокая роль социальных сетей в повседневной жизни студенческой молодежи всех возрастных групп. Это свидетельствует о разных целевых назначениях социальных сетей в повседневной жизни, начиная от средства общения и досуга, заканчивая вопросами участия в волонтерской деятельности и обсуждения политических новостей в социальных сетях.

Во-вторых, молодежь Тувы в отличие от молодежи Кузбасса меньше интересуется политикой в силу доминирования в культуре традиционных ценностей, консервативным укладом в семейной воспитании и обучении [15. С. 166]. Как следствие, среди респондентов Тувы много аполитичных гражд-

дан, и каждый третий респондент из Тувы не интересуется политическими событиями и новостями, не обсуждает их в кругу друзей.

В-третьих, респонденты часто не хотели называть публично свои политические предпочтения и выражать в социальных сетях свои мнения о политических лидерах, деятелях искусства, блогерах, что демонстрирует стремление сохранить определенную закрытость личного пространства. Использование социальных сетей, средств массовой информации, запрещенных на территории РФ, отражает скорее стремление молодежи расширить информационное пространство «лично для себя» без репрезентации его в массы.

Список источников

1. Багдасарьян Н.Г., Ромашикина А.П. Цифровое поведение личности в интернет-коммуникациях: культура и риски // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2021. № 1. С. 61–72.
2. Лысак И.В., Косенчук Л.Ф. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры. М.: Спутник+, 2016. 147 с.
3. Глухов А.П., Бычкова М.Н., Гужова И.В., Окушова Г.А., Стаховская Ю.М. Социально-сетевая цифровая коммуникативная культура молодежи / науч. ред. А.П. Глухов. Томск : ТГУ, 2020. 142 с.
4. Ивушкина Е.Б., Морозова Н.И. Идентичность в сетевой культуре как механизм самоопределения // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. Т. 10, № 2. С. 23–28. doi: 10.23947/2414-1143-2024-10-2-23-28.
5. Хорольцева Е.Б., Федорова А.В. Коммуникационные аспекты самоопределения личности в онлайн-пространстве // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21, № 1. С. 71–79. doi: 10.22394/1682-2358-2021-1-71-79.
6. Антопольская Т.А., Силаков А.С. Лидерство как фактор развития субъектности подростков поколения Z: результаты исследования // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 38–44. doi: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-4.
7. Рябинкина А.Н., Варламова М.А. Психологическое благополучие и субъектность личности студентов // Образование и общество. 2019. № 5 (118). С. 109–121.
8. Ольховая Т.А., Гаврилова Н.А. Субъектность как основа становления гражданской позиции студентов университета // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2. С. 257.
9. Панов В.И., Плаксина И.В. Субъектность студентов педагогического вуза в меняющейся образовательной среде // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14, № 2. С. 64–84. doi: 10.17759/psyedu.2022140205.
10. Дарган А.А. Субъектность и социальная субъективность в социологии и психологии // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Калуга, 2017. С. 60–68.
11. Гизатуллина Е.А., Маврина И.А. Профессиональная субъектность студентов: к структуре и содержанию понятия // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2024. Т. 18, № 3. С. 120–127. doi: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.11.
12. Лефевр В.А. Что если Платон был прав? // Рефлексивные процессы и управление. 2010. Т. 10, № 1–2. С. 23–32.
13. Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю., Шапко В.Т. Л. Н. Коган о социологических проблемах культуры и личности // Социологические исследования. 2011. № 8 (328). С. 62–72.
14. Коган Л.Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1988–1997 гг. / под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург : Маска, 2009. 382 с.
15. Матвеева Е.В., Сат А.В. Политическая культура избирателей Республики Тыва как индикатор отношений власти и общества (по результатам социологических исследований) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 159–167. doi: 10.17223/15617793/476/17

References

1. Bagdasaryan, N.G. & Romashkina, A.P. (2021) Tsifrovoe povedenie lichnosti v internet-kommunikatsiyakh: kul'tura i riski [Digital behavior of an individual in Internet communications: Culture and risks] *Vestnik gosudarstvennogo universiteta Dubna. Ser.: Nauki o cheloveke i obshchestve*. 1. pp. 61–72.

2. Lysak, I.V. & Kosenchuk, L.F. (2016) *Formirovanie personal'noy identichnosti v usloviyakh setevoy kul'tury* [The formation of personal identity in the context of network culture]. Moscow: Sputnik +.
3. Glukhov, A.P., Bychkova, M.N., Guzhova, I.V., Okushova, G.A. & Stakhovskaya, Yu.M. (2020) *Sotsial'no-setevaya tsifrovaya kommunikativnaya kul'tura molodezhi* [Social and network digital communicative culture of youth]. Tomsk: Tomsk State University
4. Ivushkina, E.B. & Morozova, N.I. (2024) Identichnost' v setevoy kul'ture kak mekhanizm samoopredeleniya [Identity in network culture as a mechanism of self-determination]. *Nauchnyy al'manakh stran Prichernomor'ya*. 10(2). pp. 23–28. DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-2-23-28
5. Khoroltseva, E.B. & Fedorova, A.V. (2021) Kommunikatsionnye aspekty samoopredeleniya lichnosti v onlayn-prostranstve [Communication aspects of personal self-determination in the online space]. *Vestnik povolzhskogo instituta upravleniya*. 21(1). pp. 71–79. DOI: 10.22394/1682-2358-2021-1-71-79
6. Antopolskaya, T.A. & Silakov, A.S. (2021) Liderstvo kak faktor razvitiya sub'ektnosti podrostkov pokoleniya Z: rezul'taty issledovaniya [Leadership as a factor in the development of subjectivity of teenagers of Generation Z: Research results]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*. 4. pp. 38–44. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-4
7. Ryabinkina, A.N. & Varlamova, M.A. (2019) Psikhologicheskoe blagopoluchie i sub'ektnost' lichnosti studentov [Psychological well-being and subjectivity of the student's personality]. *Obrazovanie i obshchestvo*. 5(118). pp. 109–121.
8. Olkhovaya, T.A. & Gavrilova, N.A. (2016) . Sub'ektnost' kak osnova stanovleniya grazhdanskoj pozitsii studentov universiteta [Subjectivity as a basis for the formation of the civic position of university students]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2. pp. 257.
9. Panov, V.I. & Plaksina, I.V. (2022) Sub'ektnost' studentov pedagogicheskogo vuza v menyayushchetsya obrazovatel'noy srede [Subjectivity of students of a pedagogical university in a changing educational environment]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*. 14(2). pp. 64–84. DOI: 10.17759/psyedu.2022140205
10. Dargan, A.A. (2017) Sub'ektnost' i sotsial'naya sub'ektivnost' v sotsiologii i psikhologii [Subjectivity and social subjectivity in sociology and psychology]. *Lichnost', intellekt, metakognitsii: issledovatel'skie podkhody i obrazovatel'nye praktiki* [Personality, intelligence, metacognition: research approaches and educational practices]. Proc. of the 2nd International Conference. Kaluga. pp. 60–68.
11. Gizatullina, E.A. & Mavrina, I.A. (2024) Professional'naya sub'ektnost' studentov: k strukture i soderzhaniyu ponyatiya [Professional subjectivity of students: To the structure and content of the concept]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 18(3). pp. 120–127. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.11
12. Lefebvre, V.A. (2010) Chto esli Platon byl prav? [What if Plato was right?]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie*. 10(1–2). pp. 23–32.
13. Vishnevsky, Yu.R., Vishnevsky, S.Yu. & Shapko, V.T. (2011) L. N. Kogan o sotsiologicheskikh problemakh kul'tury i lichnosti [L.N. Kogan on the sociological problems of culture and personality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 8(328). pp. 62–72.
14. Kogan, L.N. (2009) *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Izbrannye trudy 1988–1997 gg.* [Personality. Culture. Society. Selected works 1988–1997]. Ekaterinburg: Maska.
15. Matveeva, E.V. & Sat, A.V. (2022) Political culture of voters in the Republic of Tyva as an indicator of relations between authorities and society (based on the results of sociological research). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 159–167. DOI: 10.17223/15617793/476/17

Сведения об авторах:

Матвеева Е.В. – доктор политических наук, профессор кафедры культурологии, философии и искусствоведения Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия). E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Сат А.В. – кандидат политических наук, руководитель Центра социологических исследований Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия). E-mail: aliya_sat@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Matveeva E.V. – Dr. Sci. (Political Science), professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy and Art History, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Sat A.V. – Cand. Sci. (Political Science), head of the Center for Sociological Research, Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: aliya_sat@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.01.2025;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 17.04.2025*

*The article was submitted 16.01.2025;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 17.04.2025*